Жены и дѣти духоборовъ.

(Путевыя замѣтки).

По предложенію графа Л. Н. Толстого, 24 марта 1899 г. я выѣхалъ изъ Москвы по рязанской жел. дорогѣ навстрѣчу партіи духоборческихъ женъ и дѣтей, ѣдущихъ съ Кавказа въ Якутскую область.

Какъ извѣстно, года 3 тому назадъ въ Якутскую область сослана была партія кавказскихъ духоборцевъ за отказъ отъ военной службы. Такъ эти сектанты, образовавъ колонію въ 90 человѣкъ в поселившись на Усть-Поторѣ, за короткое время усилія нѣсколько оправиться и обзавестись хозяйствомъ. Они построили себѣ избы, обзавелись кое-какимъ инвентаремъ, пріобрѣли нѣсколько лошадей, коровъ, начали сѣять хлѣбъ и огородныя овощи, скапливаютъ значительное количество сѣна. Словомъ, принялись за дѣло горячо, со свойственными духоборамъ энергіей, трезвостью и трудолюбіемъ, такъ что въ хладныхъ дебряхъ якутской окраины они обѣщаютъ быть истинными носителями культурныхъ началъ. Такъ вотъ, значитъ, нѣсколько оправившись на новой родинѣ, эти духоборцы рѣшили выписать своихъ женъ и дѣтей изъ Кавказа.

Проѣздъ лишній стоитъ на ст. „Козловъ", а встрѣтилъ партію въ 41 чел. ѣдутъ 25 женщинъ, 1 старикъ и 15 дѣтей (3—7 лѣтъ). Партія изъ Тифлиса выѣхала 18 марта въ сопровожденіи полицейскаго надзирателя К. В. Висоцкаго. 20 марта она сѣла на пароходъ въ Бахуны, гдѣ, по просьбѣ надзирателя, ей было сдѣлано 50% скидки. 22 марта партія выѣхала изъ Новороссійска въ переселенческомъ вагонѣ IV класса. Билетъ IV класса отъ Новороссійска до Иркутска по удешевленному переселенческому тарифу стоилъ всего 7 руб. 15 коп. 26 марта я встрѣтилъ партію въ ст. Козловѣ.

Состояніе партіи я нашелъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ общемъ, настроеніе женщинъ было бодрое. Только у одного мальчика было констатировано лихорадочное состояніе и онъ казался слабымъ, истощеннымъ. Сверхъ того, у одной женщины нашли воспаленіе соединительной и роговой оболочки глаза. Желѣзно-дорожный докторъ отпустилъ намъ нужныя лѣкарства, а мальчикъ принималъ хининъ. Партія, когда я представился отъ имени графа Л. Н. Толстого какъ проводникъ и врачъ, была, по видимому, обрадована и даже тронута. Меня обступили кругомъ и то и дѣло раздавались голоса: „вы отъ дѣдушки?.. Васъ дѣдушка прислалъ?.. Вы отъ графа?.. Дай ему Господь Богъ здоровья и проч."... При этомъ ихъ грустныя, простодушныя физіономіи отражали непосредственную радость.

И тутъ же познакомился съ сопровождающихъ ихъ надзирателемъ К. В. Висоцкимъ, который о партіи далъ самый лестный отзывъ и всячески объ ней заботился. Затѣмъ пришли начальникъ дистанціи, его помощникъ и ихъ супруги. Они тотчасъ же распорядились приготовить для партіи постный обѣдъ, а дѣтямъ роздали по яблоку и сдобному калачу.

Картина была довольно умилительная. Отощавшія за 8 сутокъ траски, качки, а потомъ опять траски дѣти, болѣе недѣли не ѣвшія ничего сдобнаго и горячаго, съ такой жадностью принялись за эти яблоки и калачики, что дышалось невольное желаніе устроить имъ что-нибудь подобное... Шутка ли женщинамъ и дѣтямъ съѣхать 11,000 верстъ (разстояніе отъ Тифлиса до Усть-Поторы въ Якутской области)!.. А въ перспективѣ этапное передвиженіе отъ Иркутска до Якутска (2800 верстъ). Задача—сберечь этихъ женщинъ и дѣтей для свиданія съ ихъ отцами казалась по-истинѣ трудной и сложной... Путь длинный, тяжелый... А ну, если дорогой дѣти заворовятъ тифомъ отъ голода и перегуменія!.. Если появится дизентерія, цинга и проч... Что я тогда долженъ дѣлать!.. Духоборы не ѣдятъ мяса, рыбы и вообще избѣгаютъ всего, что есть результатъ смерти или убійства... Значитъ, задача еще болѣе осложняется. Сердобольный надзиратель разъ хотѣлъ ребятишекъ угостить супомъ, но матери не разрѣшили дѣтямъ ѣсть супъ.

Изъ Козлова партія была отправлена въ тотъ же день въ двухъ вагонахъ черезъ Тамбовъ, Пензу, Самару и т. д. Люди провяли тутъ лучшую сторону своей души: обласкали дѣтей, утѣшили и даже дали имъ на молочко. Словомъ, станція „Козловъ" промелькнула свѣтлой точкой въ тяжелой и трудной жизни этихъ женщинъ и дѣтей.

Такъ какъ у меня былъ взятъ билетъ III класса отъ Москвы до Иркутска, такъ какъ партія ѣхала въ IV классѣ, и такъ какъ состояніе ея было удовлетворительно, то и, съ общаго согласія партіи, рѣшилъ нѣсколько опередить ее, заѣхать по личнымъ дѣламъ въ Томскъ и въ станціи „Тайга" снова встрѣтить... Тутъ я прерываю на нѣкоторое время свои замѣтки.

Врачъ *П. Сокольниковъ.*

(Продолженіе будетъ).

По Иркутску.

Изъ Лѣсра.

3-го іюля. Сегодня я хочу сдѣлать вкратѣ кое-что о г. П., живущемъ въ Глазковѣ, на томъ берегу Ангары. Сегодня суббота и мнѣ безпрестанно попадаются на глаза женщины и мужчины съ удами и березовыми вѣниками. По мѣрѣ того какъ я приближаюсь къ берегу, толпы этихъ проходящихъ становятся все многочисленнѣе. Наконецъ я дохожу до большого бѣлаго дома, который оказывается баней и мнѣ теперь становится понятнымъ, что эта баня и есть тотъ центръ, къ которому стягивается толпа. У дверей бани я нижу кучку солдатъ и рабочихъ только что вымывшихся, съ мокрыми волосами. Какой счастливый видъ у этихъ людей вымывшихся наконецъ послѣ цѣлой недѣли.

Понтонный мостъ соединяетъ Иркутскъ съ Глазковымъ, предмѣстьемъ города, гдѣ расположены дачи и черезъ которое пройдетъ желѣзная дорога Ангара очень чистая и очень бурная рѣка. На ней было такъ холодно, что я, проѣзжая мостъ, долженъ былъ застегнуться.

5-го іюля. Проходя сегодня по улицѣ, замѣтилъ слѣдующую внушительную вывѣску: „гробы и ящики, готовые и на заказъ"...

Въ Иркутскѣ стоитъ удушливая жара, но какъ это ни странно, обыватели ищутъ не тѣневой стороны, а той, которая защищена отъ вѣтра; и это вполнѣ понятно, потому что иногда поднимается такая пыль, что не видать ни зги.

Я зашелъ по пути къ одному парикмахеру вымыть голову шампунемъ. Желая охранить мое платье отъ мокраго полотенца, я попытался было скинуть сюртукъ. Но—о ужасъ! Мой хозяинъ этому рѣшительно воспротивился. Не дѣлайте, не дѣлайте этого, заговорилъ онъ. Вѣдь сюда можетъ войти дама. Тогда я понялъ, что въ этой странѣ считается непривычнымъ быть безъ сюртука, но дозволяется ходить въ вымущенной рубашкѣ и, притомъ еще, съ открытой грудью. Все-таки я замѣтилъ моему хозяину, что когда переходитъ мостъ, то видѣлъ такихъ застѣнчивыхъ сибиряковъ, которыя имѣютъ удовольствіе ежедневно видѣть купающихся мужчинъ и, притомъ, въ совершенно „райскомъ" видѣ. Но продолжать этотъ диспутъ дальше хозяинъ мой счелъ очевидно непривычнымъ; и же подумалъ, что стыдливость есть вещь условная и каждый понимаетъ ее по своему. Городъ показался мнѣ пустымъ и соннымъ; большая часть жителей разъѣхалась по дачамъ. Но тѣмъ не менѣе мнѣ, говоря по правдѣ, нигдѣ не удавалось,—будь то въ Томскѣ или Бордо,—видѣть такую массу праздныхъ лѣвакъ. И притомъ долженъ добавить, что когда здѣсь не работаютъ, то пьютъ. Простонародье показалось мнѣ очень несимпатичнымъ.

Къ вечеру я отправился съ моимъ знакомымъ г. П. на лѣвый берегъ Ангары. Мы вскарабкались на гору. Если смотрѣть на Иркутскъ съ птичьяго полета—онъ восхитителенъ. Бѣлыя зданія рельефно выдѣляются на фонѣ города, который весь будто-бы улыбается, озаренный прощальными лучами солнцѣ. Вотъ блеститъ желѣзная церковь, далѣе возвышается темный соборъ, видны крыши, то зеленыя, то сѣрыя, красиво оттѣненныя бѣлыми стѣнами. И совсѣмъ вдали—голубыя туманныя горы, точно громоздящіяся надъ Иркутскомъ. Ангара, эта чудная рѣка, кажется, съ любовью ластитъся къ городу, обѣщаетъ его кольцомъ и наконецъ теряется въ зеленой дали; и долго не могъ оторваться отъ этого чуднаго вида.

6-го іюля. Мнѣ сегодня разсказывали о той жизни, которую ведутъ въ Средне-Колымскѣ. Говорятъ, что нужно три мѣсяца для того только, чтобы добраться до Колымска изъ Якутска. Колымчане, изъ около 400, отсланные казаки, изнуренные болѣзнями и пьянствомъ и неспособные къ серьезной работѣ. Ссыльные занимаются то охотой, то рыбной ловлей, то литературной работой. Колымскъ—это ледяная пустыня,—валяетъ на нихъ свою печать, заставляетъ ихъ опускаться. Нѣкоторые совершенно утрачиваютъ интересъ къ жизни, погружаются въ какое-то отупѣніе, не стригутъ ни волосъ, ни бороды, говорятъ—никогда не моются. Почта доходитъ до этого мѣста 3 раза въ годъ. Тогда наступаетъ жизнь, разрываются почтовыя сумки, лихорадочно читаются письма и брошюры, которыя дошли до нихъ. Привыкъ журналъ за цѣлыхъ четыре мѣсяца. Нѣкоторые въ буквальномъ смыслѣ пожираютъ ихъ сразу, читая и день и ночь, другіе-же, болѣе терпѣливые, читаютъ ихъ постепенно, въ хронологическомъ порядкѣ, чтобы пережить всѣ тѣ волненія, которыя когда-то пережили люди.

Жены и дѣти духоборовъ*).

(Путевыя замѣтки).

Опередивъ партію со станціи „Козловъ“, я разсчитывалъ прибыть въ „Тайгу“ на 1—3 дня раньше ея прибытія, чѣмъ и воспользовался для того, чтобы заѣхать въ Томскъ, гдѣ у меня не мало нравственной связи, друзей и знакомыхъ, съ которыми давно хочу видѣться, но съ которыми снова придется разстаться на долгій срокъ, или даже навсегда.... Съ какимъ тяжелымъ чувствомъ въ такихъ случаяхъ приходится разставаться съ милыми и дорогими лицами, каждый знаетъ по своему опыту, и потому тутъ излишни всякіе комментаріи.... Но долженъ сказать, что Томскъ для меня еще дорогъ тѣмъ, что я тамъ провелъ первые годы моего студенчества,—это были, несбѣднѣйшіе тяжелые, но въ то же время лучшіе годы моей жизни.... Не важно, что тогда пришлось нѣсколько разочароваться какъ въ жизни и людяхъ, такъ и въ университетѣ и профессорахъ. Не важно также и то, что многія обстоятельства жизни и ближайшей обстановки больше нравственно угнетали, чѣмъ способствовали нашему развитію и благосостоянію. Впрочемъ, чисто азіатскія черты жѣстной жизни и ближайшихъ сферъ не убили энергіи въ лучшихъ нашихъ товарищахъ и не покидали деморализующимъ образомъ, какъ того можно было ожидать, а скорѣе ихъ нравственно закалили и подготовили къ тяжелой жизненной борьбѣ,—это видно, впрочемъ, изъ того, съ какимъ успѣхомъ томскіе студенты работаютъ на врачебномъ поприщѣ, а вообще, изъ образцоваго поведенія ихъ въ чисто товарищескихъ дѣлахъ. Сдѣлавъ маленькую экскурсію въ область прошлаго, я перехожу къ настоящему.

Въ Томскѣ удалось мнѣ провести всего 3 дня (3, 4 и 5 апрѣля). За это время я встрѣчалъ не мало попечителей добрыхъ и отзывчивыхъ людей, пожелавшихъ непремѣнно оказать посильную помощь нашей партіи, т. е. духоборскимъ женамъ и дѣтямъ. При этомъ иногда отдавались прямо таки послѣдніе и трудовыя копейки. Напр., одна учительница начальной школы почти силой вручила мнѣ 5 рублей, а сынъ ея (гимназистъ) высыпалъ почти все содержимое своей копилки и отсчиталъ рубль серебряными монетками. Другой разъ кондукторъ желѣзной дороги, молодой красноѣзд со сланцевымъ малороссійскимъ акцентомъ, предложилъ матерямъ двугривенный, говоря: „возьмите дѣтямъ на орѣшки“.... Подобная лепта бѣдныхъ людей есть, несомнѣнно, выраженіе лучшихъ движеній человѣческой души и потому она трогаетъ и и радуетъ даже больше, чѣмъ болѣе крупныя пожертвованія людей богатыхъ. Однако безъ чувства благодарности я не могу вспомнить о С. И. Т—ской (жена инженера), которая не только доставила значительную сумму денегъ, но снабдила насъ еще кое-какими лѣкарствами, перевязочнымъ матеріаломъ и на домъ прислала 100 аинцъ, не смотря на мой отказъ брать громоздкій узелъ. Впослѣдствіи я убѣдился, что эти аинцы составляютъ не менѣе существенное приношеніе, чѣмъ деньги. Главное—во всемъ этомъ стремленіи снабдить деньгами, провизіей и лѣкарствами видна какая-то чисто материнская забота, которая грѣетъ, радуетъ и утѣшаетъ всякаго человѣка при нуждѣ и горѣ. Такимъ образомъ всего въ Томскѣ пожертвовали 93 руб. 50 коп.

Глядя на столь отзывчивое отношеніе сибирской публики къ судьбѣ невинныхъ дѣтей и женщинъ, я невольно радовался, умилялся и мое самолюбіе находило для себя въ этомъ удобную пищу, я гордился за нашихъ сибиряковъ и сибирячекъ (особенно ретиво и отзывчиво относились послѣднія).

Побывъ въ Томскѣ не безъ нѣкоторой пользы для партіи, я пріѣхалъ въ ст. „Тайга“ 6-го апрѣля. Но, къ сожалѣнію, мнѣ пришлось здѣсь прождать линяя сутки.

На слѣдующій день (7-го апрѣля) партія благополучно пріѣхала въ ст. Тайгу. Встрѣча была радостная для той и другой стороны. Я справился о здоровьи партіи. Отвѣтили: „слава Богу, всѣ живы и здоровы“. Но потомъ оказалось, что это не совсѣмъ правда, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Узнавъ, что всѣ наши женщины и дѣти ѣдутъ въ двухъ вагонахъ IV класса и что надзиратель ѣдетъ съ ними вмѣстѣ, я рѣшилъ тоже поселиться въ IV классѣ, такъ какъ съ билетомъ III класса я имѣю право ѣхать въ IV классѣ.

Скажу нѣсколько словъ о вагонахъ IV класса. Это обыкновенные товарные вагоны въ видѣ красныхъ ящиковъ съ бѣлой надписью: 40 чел.—8 лошадей. Построены они такъ, что въ одну изъ боковыхъ дверей свободно можно вводить лошадь, а на противоположной сторонѣ другая дверь въ видѣ калиточки, куда люди могутъ проникать свободно, но лошади не пройдутъ. По угламъ вагона, у самаго потолка имѣются четыре небольшихъ переднихъ окошечка, куда проникаетъ свѣтъ и свѣжій воздухъ. На томъ и другомъ концѣ вагона, въ два этажа, устроены широкіе нары на манеръ крестьянскихъ палатей, гдѣ люди могутъ размѣщаться поперечными рядами. Въ серединѣ вагона стоитъ желѣзная печка, которая быстро согрѣваетъ внутренность вагона. Однако тепло въ нашемъ вагонѣ не можетъ держаться долго, такъ какъ при движеніи поѣзда всѣ наши двери и окна начинаютъ скакать, прыгать, трещать и хлопать, быстро какачная навнѣ холодный воздухъ и выбрасывая теплый. Къ счастью, женщины и дѣти наши одѣты весьма гигіенично. У всѣхъ женщинъ есть ватныя кофточки и овечьи полушубки, а у дѣтей жилеты, курточки и штаны тоже на ватѣ. Вороть у всѣхъ закрытый. Стало быть, французской моды не признаютъ.

Когда я передалъ провизію и деньги, собранныя въ Томскѣ въ пользу партіи (93 руб. 50 коп.), одна изъ женщинъ сказала: „Сестра! Возблагодаримъ Господа Бога нашего за то, что онъ не оставляетъ насъ и посылаетъ намъ черезъ добрыхъ людей помощь“. Тогда всѣ женщины стали вкругъ, поклонились другъ другу сначала въ поясъ, а потомъ сдѣлали земной поклонъ, произнося вслухъ: „Спаси, Господи!...“ Затѣмъ разошлись по своимъ мѣстамъ, усѣлись и тихимъ, заунывнымъ голосомъ затянули одну изъ любимыхъ пѣсенъ:

Ты куда ѣдешь, скажи мнѣ, странникъ,
Съ посохомъ въ рукѣ?—
„Туда, гдѣ милости Господней
Больше, иду я—странникъ
Черезъ горы и долины,
Черезъ степи и поля,
Черезъ лѣса и черезъ равнины
Я иду домой, друзья!...“—
Странникъ! Въ чемъ твоя надежда
Во странѣ твоей родной?—
„Бѣлоснѣжная одежда
Да нѣнецъ мой золотой!...“—
Страхъ и ужасъ не знакомы
На пути твоемъ?—
„А Господи леноны
Охранятъ меня вездѣ....
Іисусъ Христосъ со мною,
Изъ желанной стороны
Я иду за Іисусомъ
Черезъ жгучіе пески“....

Пѣли онѣ дружно, съ большимъ чувствомъ, безъ всякаго крика и писка, хотя мотивы у нихъ очень однообразны и отдѣльныя слова трудно разобрать.

Изъ дальнѣйшихъ справокъ я узналъ, что состояніе партіи было далеко не блестящее. Правда, мальчикъ съ лихорадкой—Ѳедя Димовскій болѣе или менѣе оправился. Но зато глазъ у женщины значительно ухудшился за дорогу. Сверхъ того, у насъ оказался еще больной. У 6-та лѣтняго Алеши Махортова оказалась сильнѣйшая цинга, такъ что у него буквально гнили зубы и челюсти. Съ виду онъ былъ очень истощенъ, лицо отечно, животъ вздутъ. При осмотрѣ нашелъ массу распластавшихся и омертвѣвшихъ зубокъ, такъ что изо рта шелъ невыносимый запахъ.... Нечего дѣлать, я рѣшилъ удалить гніющіе зубы, назначить дезинфицирующее полосканіе, поднять насколько возможно общее питаніе и проч. Такъ какъ зубы едва-едва держались въ деснахъ, то безъ труда я вырвалъ пальцами 4 зуба. При этомъ мальчикъ кричалъ, бился, защищался ручонками и умолялъ о пощадѣ.... Въ дѣлѣ было больно и жалко мальчика, но, скрѣпя сердце, дѣлалъ то, что считалъ необходимымъ.

На станціи „Боготолъ“ я встрѣтилъ товарища по университету доктора Сосунова. Онъ снабдилъ насъ лѣкарствами и при помощи его цинцонъ удалось вытащить еще 3 зуба.

Съ этакими сюрпризами мы ѣхали отъ „Тайги“ до Иркутска. Шлю искреннюю благодарность всѣмъ своимъ товарищамъ—докторамъ, которые намъ помогали выдачей лѣкарствъ. Въ скобкахъ скажемъ, что переселенческіе врачи помогали намъ скорѣе и больше, чѣмъ желѣзно-дорожные, которые оказались и менѣе обезпеченными медикаментами, и болѣе опутанными разнаго рода формальностями, мѣшающими живому дѣлу медицинской помощи. Такъ, напр., почему-то по моему рецепту изъ желѣзнодорожныхъ аптекъ не выдавали лѣкарствъ, такъ какъ непремѣнно требовалась подпись своего врача, тогда какъ въ Москвѣ, Томскѣ, Иркутскѣ по моему рецепту выдавались какія угодно лѣкарства, ибо я тоже дипломированный врачъ Россійской Имперіи. Особенно важную услугу намъ оказали переселенческіе врачи станцій Боготола и Канска (Сосуновъ и Орженко).

Такимъ образомъ мы ѣхали отъ ст. „Тайга“ до Иркутска при довольно благопріятныхъ условіяхъ, пользуясь поводу вниманіемъ и добрымъ отношеніемъ интеллигентной публики. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи можетъ служить поведеніе вахмистра Коттева (нижній чинъ изъ жандармовъ), который служитъ на станціи „Нижнеудинскъ“. Онъ, услыхавъ, что наши женщины въ вагонахъ поютъ свои молитвы, вздумалъ было воспретить ихъ пѣніе. Женщины, конечно, растерялись и замолкли; но за нихъ вступился надзиратель К. В. Высоцкій и пояснилъ г. Коттеву, что въ этихъ пѣсняхъ ничего предосудительнаго не заключается. Однако решостный вахмистръ не унялся и уже въ повышенномъ тонѣ спрашивалъ надзирателя: „Да вы кто?.... Да вамъ какое дѣло?!..“ Тотъ отрекомендовался и прибавилъ: „Если вамъ угодно, и имѣю такое предписаніе, въ силу котораго жандармы на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ должны намъ оказывать всякое содѣйствіе“. Тогда вахмистръ пошелъ жаловаться къ ротмистру, но тотъ, дѣлу не придалъ никакого значенія. Этотъ инцидентъ юридически окончился ничѣмъ, но оставилъ послѣ себя непріятное ощущеніе въ каждомъ изъ присутствующихъ. „Эхъ, родина—матушка и Сибирь!...“ подумаешь невольно. Я этимъ пока заканчиваю свои замѣтки до Иркутска.

Врачъ *П. Сокольниковъ.*

(Продолженіе будетъ).

*) См. № 89 „Вост. Обозр.“.

Жены и дѣти духоборовъ

(Продолженіе). *)

18 апрѣля, около 5 час. пополудни, мы пріѣхали въ станцію „Иркутскъ". Съ вокзала К. В. Вѣсоцкій по телефону переговорилъ относительно квартиры съ г. полиціймейстеромъ, который отнесся любезно и тотчасъ же указалъ намъ временную квартиру. Квартиру намъ отвели въ домѣ Новожилова, по Преображенской улицѣ. При этомъ, г. полиціймейстеръ выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что мы не были съ дороги телеграммы... Если бы мы догадались это сдѣлать, то, навѣрное, для насъ была бы приготовлена лучшая квартира.

При выходѣ съ вокзала мы встрѣтили чиновника по переселенческимъ дѣламъ И. А. Струковскаго, который сначала принялъ было насъ за переселенцевъ, а потомъ, конечно, дѣло разъяснилось; онъ, несомнѣнно, намъ оказалъ большую услугу, сообщивъ адреса и давъ весьма полезныя указанія относительно дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій въ Иркутскѣ, не говоря про матеріальную помощь, которую намъ впослѣдствіи оказали иркутяне, и въ чемъ г. Струковскій принялъ видное участіе.

Затѣмъ мы нашли двухъ ломовыхъ извозчиковъ и, навалилъ въ телѣги свои узлы, мѣшки, сумки и проч. добро, двинулись беспорядочной толпой въ городъ. Шли мы по знаменитому понтонному мосту черезъ Ангару. Удивленію нашихъ женщинъ не было конца, когда онѣ увидѣли висячій на лодкахъ мостъ, перекинутый черезъ большую и бурную рѣку. Стараясь разгадать устройство моста, онѣ, какъ маленькія дѣти, забѣгали впередъ, и наклонялись надъ водой черезъ перилы, всматривались въ воду, подъ мостъ. Чудная Ангара катила свои быстрыя и прозрачныя волны, солнце радостно сіяло и грѣло истомленныя души нашихъ сестеръ *). Дѣти бѣжали въ разсыпную, опережая старшихъ, и рѣзвились на солнцѣ съ такимъ же наслажденіемъ, съ какимъ молодые телята, задравъ хвосты, прыгаютъ по зеленой лужайкѣ. При видѣ этой непосредственной радости дѣтской души, чувствуя не менѣе радостное настроеніе выросшихъ матерей, которыя впервые вступили на твердую землю послѣ сильной, почти непрерывной бѣды по желѣзнымъ дорогамъ въ вагонахъ IV класса,—бѣды, продолжавшейся 26 дней, невольно радовалась и душа посторонняго человѣка. По правдѣ говоря, и есть чему радоваться: разъ женщины и дѣти благополучно пройхали около 7000 верстъ труднаго пути. Но увы! мой разумъ диктовалъ скептическія мысли и для меня было ясно, что мы сравнительно немного сдѣлали, такъ какъ намъ предстоитъ преодолѣть еще болѣе трудную половину нашего пути—это разстояніе отъ Иркутска до Якутска (2800 в.), которое мы должны пройти имѣетъ съ этапомъ да сверхъ того около 900 верстъ по Ленѣ и Алдану, т. е. отъ Якутска до Усть-Ноторы, куда сосланы и поселены мужья нашихъ женщинъ. Однако, свои грустныя размышленія я скрылъ отъ сестеръ.

Прибывъ въ домъ Новожилова, что на Преображенской улицѣ, мы устроились во флигелѣ. Тамъ сначала было довольно сыро, холодно, грязно, пыльно и очень замѣтно пахло затхлымъ подваломъ. Но намъ ли разбирать удобства помѣщенія?!. Благо, что квартира, дрова и вода доставлялись городской управой безплатно. Но когда я пришелъ на слѣдующій день, едва узналъ вчерашнюю квартиру. Грязный и пыльный полъ былъ тщательно выметенъ, окна, черныя отъ грязи были устланы и нагромождены довольно чистой разнощепной одеждой, тючками и дорожными сумками, такъ что эти непригодныя вары на время забыли о томъ, что ихъ изъ года въ годъ топтали и грязнили полупьяные люди... Даже стекла въ окнахъ выглядывали какъ то чище и веселѣе... Черезъ два—три дня затхлый духъ подвала исчезъ. Словомъ, изъ стараго, полуглилого деревяннаго флигелька, увѣдшаго на половину въ землю, получилась довольно сносная и даже пріятная квартира. Тутъ невольно вспоминаешь хвалебныя фразы по адресу заботливыхъ женскихъ рукъ.

Не откладывая въ долгій ящикъ, я на слѣдующій же день пойхалъ хлопотать по администраціи. Былъ у губернатора, тюремнаго инспектора и полиціймейстера, заходя справки и сваракаемой въ мѣсяцѣ этапной партіи. Такъ какъ у женъ духоборовъ не было достаточнаго средства, и такъ какъ путь отъ Иркутска до Якутска (2800 в.) могъ стоить очень дорого, то былъ выработанъ слѣдующій планъ: съ Тифлиса до Иркутска, какъ по морю, такъ и по желѣзной дорогѣ ѣхать на свои средства, а потомъ отъ Иркутска до Якутска послѣдовать по этапу на положеніи арестантскихъ женъ, пользуясь казенной подводой, для чего, по закону, требовалось предварительно „арестоваться" въ Иркутскѣ.

Высшая администрація г. Иркутска отнеслась къ судьбѣ нашей партіи весьма любезно и предупредительно. Мнѣ дано было разрѣшеніе сопровождать партію по этапу. Къ несчастію мы не успѣли пріѣхать къ сбору первой арестантской партіи въ 300 чел., которые уже были набраны полностью, и списокъ ихъ былъ составленъ. Всякое измѣненіе уже законченнаго списка пересылаемыхъ лицъ могло вызвать большое неудовольствіе среди арестантовъ. Потому не представлялось никакой возможности отправить насъ съ первой арестантской партіей, которая должна была выѣхать изъ Александровской центральной пересыльной тюрьмы 5 мая 1899 г. Что же касается до второй партіи арестантовъ, то она должна быть снаряжена только въ іюлѣ мѣсяцѣ. Слѣд., для насъ были возможны двѣ комбинаціи: ждать до отправки второй арестантской партіи, или ѣхать на свои средства въ Якутскъ. Первая комбинація для насъ была весьма непріятна по своей медлительности, а вторая прямо невозможна по недостатку матеріальныхъ средствъ. Но администрація, въ видѣ особаго снисхожденія къ нашей партіи, нашла третью комбинацію,—это отправить насъ особой партіей раньше всѣхъ. Такимъ образомъ, намъ объявлено было быть готовыми къ отъѣзду 23 апрѣля. Для перевозки насъ со всѣмъ скарбомъ отъ Иркутска до Александровской тюрьмы были нанаты за 50 руб. (на нашъ счетъ) какіе то обратные крестьяне, ѣдавшіе въ Иркутскъ для продажи припасовъ черезъ праздниковъ Пасхи. Александровская тюрьма находится въ сторонѣ отъ Якутскаго тракта, въ 60 верстахъ отъ г. Иркутска. Итакъ нашъ этапный путь принципіально былъ рѣшенъ. Но одно счастливое обстоятельство совершенно измѣняло нашъ планъ.

На слѣдующій день я былъ въ конторѣ А. И. Громовой, гдѣ встрѣтилъ ея главнаго довѣренаго М. В. Вѣсѣтина *), на имя котораго было письмо отъ графа Л. Н. Толстого съ просьбой, если можно, нашъ женъ духоборокъ на барку какого-нибудь пароходо, принадлежащаго А. И. Громовой. Дѣйствіе этого письма было поразительно. Тутъ же произошло нѣчто вродѣ семейнаго совѣта съ сыновьями Анны Ивановны И. И. и В. И. Громовыми, которые отнеслись съ горячей симпатіей къ просьбѣ Льва Николаевича, а М. В. Нихтинъ произнесъ слѣдующія весьма трогательныя фразы: „Разъ принятъ принять участіе въ судьбѣ этихъ людей такой всемірный писатель и великій человѣкъ, какъ графъ Л. Н. Толстой, художественныя произведенія котораго доставили намъ столько высокихъ наслажденій, то мы, съ своей стороны, должны сдѣлать все, что только можно". Послѣ этого они рѣшили взять на себя всѣ издержки по доставкѣ партіи отъ Иркутска вплоть до Усть-Ноторы (около 3700 в.). Рѣшили нанять на счетъ А. И. Громовой спеціальныхъ возчиковъ (на 10 подводъ), которые могли бы сначала доставить партію до г. Качуга, откуда начинается сплавъ купеческихъ товаровъ по р. Ленѣ на плоскодонныхъ судахъ, называемыхъ паузками. Далѣе, съ Качуга до станціи Жигаловой, откуда начинается пароходное сообщеніе въ полную воду, предполагалось отправить партію съ паузками. Наконецъ, отъ Жигаловой вплоть до Усть-Ноторы считалось возможнымъ доставить на баржѣ Громовскаго парохода. Такова былъ планъ для дальнѣйшаго нашего передвиженія:

Въ тотъ же день я забѣжалъ въ домъ Новожилова и сообщилъ сестрамъ о рѣшеніи Громовыхъ доставить ихъ даромъ вплоть до Усть-Ноторы. Сначала женщины, какъ будто, не поняли смысла этого объявленія, а потомъ, когда я заключилъ: „итакъ, сестры, у насъ этапа не будетъ... Мы минуемъ этапное передвиженіе"!.. Разомъ нѣсколько голосовъ повторило мои слова: „этапа не будетъ"!.. „Сестры, этапа не будетъ"!.. „Этапа не будетъ"!.. крикнулъ сзади всѣхъ сильный, но сильный голосъ. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ нашего старика Николая Чевильдѣева. Его обычно спокойное, даже вѣсколько апатичное лицо, было заяѣтно взволновано и его большіе стеклянные глаза глядѣли куда то далеко... Но вотъ, слегка вздрогнули мышцы лица, шевельнулись полусѣдыя старческія брови и по щекамъ его покатились слезы... Но это были слезы радости, умиленія... Плакали всѣ кромѣ дѣтей, которые глядѣли на старшихъ большими, удивленными глазами и, повидимому, не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило въ душѣ старшихъ, не знали, что дѣлать... Опомнившись отъ первыхъ впечатлѣній, сестры стали въ кружокъ, поклонились до земли и возблагодарили Господа Бога, за то, что онъ шлетъ добрыхъ людей. При этомъ произносили: „Спаси, Господи"!.. „Спаси, Господи"!.. Затѣмъ заставили продѣлать тоже самое и дѣтей.

Въ слѣдующіе дни въ Иркутскѣ духоборскихъ женъ и дѣтей посѣщали разные интеллигентные люди, мужчины и женщины, доставляли имъ деньги и провизію... Повидимому какіе-то братья и сестры духоборскаго толка, которые не разъ водили нашихъ сестеръ къ себѣ въ гости.

Не распространяясь много о добрыхъ отношеніи иркутскихъ интеллигентовъ къ нашей партіи, я долженъ выразить особенную благодарность товарищамъ-докторамъ П. И. Федорову и П. Н. Шастину за ихъ весьма участливое отношеніе, г-ну редактору „Вост. Обозр." И. И. Попову съ супругой, г. Писаренскому за выданныя безплатно лекарства на значительную сумму, А. Г. Лурье, И. Д. Майнову, И. А. Струковскому съ супругой, высшей администраціи г. Иркутска и городской управѣ. Вообще въ Иркутскѣ разные добрые люди надавали въ пользу духоборскихъ женъ и дѣтей свыше 200 руб.

(Продолженіе будетъ)

---

*) См. № 115 „В. О.".

*) Духоборы всѣхъ людей называютъ братьями и сестрами.

*) Самой Анны Ивановны въ это время не было въ Иркутскѣ.

Жены и дѣти духоборовъ.

(Продолженіе).

Въ Иркутскѣ, помимо добраго отношенія людей, были кое-какіе непріятности. Такъ вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Иркутскъ, среди нашихъ дѣтей появился корь. Спачала захворалъ мальчикъ Андрей Сафоновъ. Нажитолько больного труда изолировать больного мальчика съ матерью отъ остальныхъ дѣтей. Тотчасъ-же пришлось исхлопотать разрѣшеніе городской управы занять изъ сосѣдняго пустующаго корпуса. Пришлось снова топить домъ, доставать дрова и проч. Затѣмъ раздѣлили партію на два дома такимъ образомъ: мать съ большимъ ребенкомъ и женщинъ бездѣтныхъ оставили во флигелѣ, остальныхъ женщинъ съ дѣтьми перевели въ новый домъ, приказавъ, по возможности не сообщаться жителямъ этихъ двухъ домовъ. Но увы! эти заботы почти остались безплодными, такъ какъ я слишкомъ часто не могъ ихъ контролировать, а какъ только я приходилъ, то заставлялъ партію каждый разъ смѣшиваной, т. е. жителей флигеля заставлялъ въ большомъ домѣ и обратно. Слѣд., изоляція моя неполнѣ осуществилась. Конечно, я прекрасно зналъ, что дѣло имѣю съ совершенно неграмотными женщинами, которыя не имѣютъ ясного представленія о заразномъ свойствѣ болѣзней и не могутъ понять значенія изоляціи, особенно при чрезмѣрно развитомъ братскомъ и общинномъ духѣ, какой чуть былъ на лицо; но тѣмъ не менѣе и не рѣшился иначе поступить. Правда, я сначала предложилъ на время отвести больного ребенка съ матерью въ Базановскую дѣтскую больницу, но сестры не рѣшились на этотъ шагъ тѣмъ болѣе, что онѣ въ скорохъ времени надѣялись отправиться въ Якутскую область. Съ другой стороны, мнѣ было положительно жалко насиловать ихъ братское чувство и отдѣлять мать и больного ребенка отъ общины, хотя бы на недѣлю.

Далѣе, состояніе партіи въ Иркутскѣ значительно улучшилось. Ребенокъ отъ поры выздоровѣлъ, другіе дѣти, повидимому, не хворали. Цинготный мальчикъ Алеша Махортовъ значительно поправился. Больная глазами женщина тоже поправлялась.

Наконецъ, 23-го апрѣля партію мы провожали изъ дома Новожилова за городскую черту. Партія шла въ бодромъ настроеніи и пѣла свои священные гимны—псалмы. Въ день отъѣзда сестеръ иркутскіе духоборы устроили нѣчто въ родѣ прощальнаго обѣда и провожали партію за городскую черту. Потомъ мнѣ извѣстно стало, что братья по религіи снабдили сестеръ провіантомъ и дали немного денегъ. Затѣмъ, изъ какого-то поселка подъ Иркутскомъ вышли на встрѣчу партіи нѣсколько братьевъ духоборовъ на большую дорогу, привезли нѣкоторое количество провіанта и поклонились до земли. Прощаніе было, говоритъ, весьма трогательное.—Многіе плакали навзрыдъ. Но я немного отсталъ отъ партіи въ Иркутскѣ съ намѣреніемъ нагнать ее дорогой, считая состояніе ея вполнѣ удовлетворительнымъ.

Отставъ отъ партіи на 3 дня, я обогналъ ее ночью на одной изъ станцій и пріѣхалъ въ Качугъ сутками раньше ея. Партія тудя прибыла 29-го апрѣля. Тутъ я узналъ, что сестры прибыли неполнѣ благополучно. Во время одного спуска, лошадь побѣжала съ горы внизъ, причемъ одна изъ сестеръ свалилась съ телѣги, ударилась объ землю колѣнками и плательемъ зацѣпилась за колесо. Въ такомъ видѣ лошадь волокла ее нѣсколько саженъ. Благо, что платье было сшито изъ непрочной матеріи и легко оторвало его колесомъ. Однако сестра получила нѣсколько ссадинъ, одну рану и сильные ушибы въ области обоихъ колѣнъ. Врачъ Тороповъ на одной изъ станцій наложилъ на рану антисептическую повязку. Кромѣ того, оказались у насъ еще больные. Дорогой у троихъ дѣтей открылась корь, но сынъ уже успѣла исчезнуть. Такимъ образомъ, къ с. Качугѣ у насъ получилась цѣлая больница. М. В. Пихтинъ отнелъ сестрамъ довольно удобный хлѣбный амбаръ на Андреевской пристани, гдѣ должна была происходить нагрузка товаровъ. Нагрузка заняла около двухъ дней. За это время мы сдѣлали кое-какія закупки на дорогу, въ с. Качугѣ сходили въ фельдшерскій пунктъ, гдѣ насъ фельдшеръ принялъ весьма любезно и выдалъ кое-какія лекарства. Оказалось, что этотъ фельдшеръ уже знаетъ изъ газетъ про пріѣздъ духоборскихъ женъ. Также онъ знаетъ о томъ, что графъ Л. Н. Толстой является покровителемъ этихъ женщинъ. Въ Сибири много поклонниковъ Льва Николаевича и это меня нисколько не удивляетъ, такъ какъ сибирская публика любитъ читать и знаетъ всѣхъ лучшихъ русскихъ писателей по ихъ произведеніямъ. Но въ одномъ случаѣ я былъ положительно удивленъ. Когда я провожалъ партію изъ Иркутска, въ поискахъ ящика, забрелъ въ одинъ изъ захудалыхъ дворовъ предмѣстья и тамъ встрѣтилъ очень бѣдняго еврея, который со мной разговорился и быстро догадался, что я тотъ самый врачъ, который сопровождаетъ духоборскихъ женъ. „Позвольте васъ спросить, мы докторъ?“ Спросилъ онъ. На мой утвердительный отвѣтъ, онъ заговорилъ: „Знаю, знаю!... Мнѣ очень пріятно видѣть васъ.... Вы ѣдете по предложенію графа Толстого.... Я вычиталъ изъ газетъ“. Далѣе онъ сталъ распространяться о Львѣ Николаевичѣ въ весьма восторженномъ тонѣ, и я былъ положительно пораженъ. Грязный, измученный и оборванный старикъ меня менѣе удивилъ бы, если-бы попросилъ милостыни, чѣмъ сталъ-бы разсуждать о графѣ Л. Н. Толстомъ....

Послѣ усиленной нагрузки, 1-го мая, около 3 час. дня, мы тронулись съ

Жены и дѣти духоборовъ.

(Окончаніе).

Вечеромъ того же дня мы подъѣхали къ г. Верхоленску. Съ берега къ намъ приближалась лодка, на которой сидѣли два молодыхъ человѣка интеллигентной наружности. Они спросили:

— Духоборки здѣсь?

— Да, здѣсь! отвѣтилъ я.

Тогда они стали быстро распрашивать о нуждахъ нашей партіи. Затѣмъ кинули мяч на берегъ съ цѣлью указать квартиру доктора Рауера. Доктора дома не оказалось, но сказали, что онъ скоро придетъ, и я зашелъ къ этимъ господамъ. Тутъ познакомили меня съ остальными товарищами. Всего было 5—6 чел. мужчинъ и женщинъ. Изъ разговоровъ узналъ, что всѣ они люди интеллигентные и живущіе въ Сибири временно. Въ такой глуши пріятно было встрѣтить интеллигентныхъ людей. Скоро возвратившійся д-ръ Рауеръ принялъ меня очень радушно, снабдилъ кое—какими лекарствами и продержалъ цѣлый часъ. Паузки ваши должны были остановиться на ночь немного ниже Верхоленска. Докторъ Рауеръ прекрасно зналъ мѣсто стоянки паузковъ и обѣщалъ меня доставить на лошадяхъ. Но когда мы ночью переправлялись черезъ Лену на плашкоутѣ, пошелъ сильный проливной дождь, который хлесталъ всю дорогу на разстояніи двухъ—трехъ верстъ и было такъ темно, что мы нѣсколько разъ сбивались съ дороги и, наконецъ, рѣшили дойти пѣшкомъ, оставивъ лошадей на поддорогѣ. Подъ конецъ дождь сталъ ослабѣвать и на разстояніи 20—30 саж. мы разглядѣли костеръ на одномъ паузкѣ. Поровнявшись съ нимъ, я увидѣлъ нѣсколько человѣческихъ силуэтовъ и спросилъ:

— Это чьи паузки? Громова?

— Да Громовскіе! кто то отвѣтилъ съ палубы.

— А гдѣ духоборскія жены?

— Да вотъ ихъ...

— Какъ вотъ?! Духоборки здѣсь!. Крикнулъ я.

— А, это нашъ докторъ!.. Кто-то узналъ меня по голосу и добавилъ: „Да, да... Мухоморы здѣсь.“

Такимъ образомъ, мы нашли свои паузки и пошли къ Александру Григорьевичу, служащему у Громовыхъ. Тамъ мы застали цѣлое общество. Оказалось, что двое мужчинъ и двѣ женщины изъ недавно мною встрѣченныхъ интеллигентныхъ ссыльныхъ или подъ проливнымъ дождемъ и притащили для нашей партіи цѣлую гору всякой провизіи (очень много яицъ, чаю и сахару). Но, благодаря ночному времени и непогодѣ, имъ даже не удалось увидѣть тѣхъ, о комъ такъ позаботились.

Рано утромъ слѣдующаго дня мы тронулись въ путь и съ этого дня у насъ начинается полоса непогодъ. Правда, еще въ Качугѣ у насъ появился у нѣкоторыхъ дѣтей кровавый поносъ (дизентерія), но, большей частью, его удавалось остановить. Наиболѣе упорной оказалась болѣзнь 7-ми лѣтняго мальчика Ѳедора Дымовскаго. Онъ и отъ природы былъ очень слабый, рахитическій субъектъ, перенесъ дорогой корь и, къ заключеніе всего, захворалъ кровавымъ поносомъ, который отнялъ у него послѣдніи силы. Вотъ онъ уже 3-й день лежитъ, какъ плахтъ, почти безъ сознанія. Такъ какъ онъ не въ состояніи проглотить даже жидкую пищу, то кормимъ его очень жидкой кашей и молокомъ насильственно, т. е. насильно раскрываемъ челюсти ложечкой и вливаемъ въ ротъ глотокъ за глотокъ. Для искусственнаго кормленія клистирами у насъ не оказалось никакихъ средствъ. Силы поддерживали кофеиномъ и противъ поноса даемъ bismuthi subnitrici... Но силы не прибавляется. Мальчикъ совершенно высохъ, посинѣлъ, дышитъ шумно и съ хрипомъ. Начали холодѣть и синѣть конечности... Сердечная дѣятельность все падаетъ.. Словомъ, для меня было ясно, что смерть близка, но не хотѣлось лишать мать послѣдней надежды. Потому съ нѣмецкой точностью кормилъ насильственно и подавалъ лекарства. Послѣ пріема довольно энергическихъ дозъ кофеина, мальчикъ иногда нѣсколько оживалъ, раскрывалъ глаза и, повидимому, узнавалъ какъ мать, такъ и меня, но не въ силахъ былъ говорить. Съ матерью онъ иногда капризничалъ, раздражался на нее; но меня, повидимому, боялся и считалъ за изверга, который только и знаетъ, что нѣсколько разъ въ день насильно раскрываетъ ротъ и заставляетъ глотать ужасно противную жидкость. Чувствуя это, при насильственномъ кормленіи и подачѣ лекарствъ, я старался сѣсть такъ, чтобы мальчикъ, раскрывая глаза, не сразу могъ замѣтить меня. Положеніе было тяжелое... Мать въ послѣднее время совершенно лишилась сна, шепчетъ какія-то молитвы и не разъ переходитъ отъ надежды къ отчаянію, отъ отчаянія къ надеждѣ: стонетъ мальчику немного очнуться, раскрыть глаза и позвать ее „папа!“*) она сразу оживаетъ духомъ, быстрыми нервическими движеніями поправляетъ одѣяло, подушку и, покрывая поцѣлуями, спрашиваетъ: „Что, милый... Скажи, что тебѣ надо“... Но увы! на дальнѣйшіе вопросы, разговоры и ласки мальчикъ отвѣчаетъ тѣмъ, что снова впадаетъ въ состояніе забытья: закроетъ глаза, безмысленно чмокаетъ языкомъ, производитъ какія-то неуклюжія движенія и затѣмъ падаетъ слабый стонъ.. У матери отъ этого сердце готово разорваться на куски. Вотъ она бѣднаго, опять ушала духомъ.. Она застыла на мѣстѣ, слезы льются ручьемъ и губы безпомощно шепчутъ молитвы. Иной разъ замѣтишь, что какая нибудь другая сестра тихо подсѣдетъ къ изголовью ребенка, дѣлаетъ какіе то легкіе движенія рукой, ровно она отгоняетъ мухъ и тоже шепчетъ молитву. Но бываетъ, что молятся обществомъ надъ большимъ, и даже дѣтей заставляютъ молиться обществомъ. При этомъ едва-ли вамъ покажется, что люди молятся за здоровье и спасеніе больного, а скорѣе эти молитвы напоминаютъ чтеніе отходной у смертнаго одра...

Послѣ нѣсколькихъ дней мучительнаго состоянія для всѣхъ, мальчикъ скончался 4 мая, около 3 час. пополудни, какъ разъ въ то время, когда мы стояли на причалѣ въ ожиданіи другихъ паузковъ, которые сѣли на мель. Мы были въ затруднительномъ положеніи. Возникъ вопросъ о похоронахъ. Если другіе паузки, которые сѣли на мель, снимутся скоро и подъѣдутъ сегодня, то похоронить мальчика здѣсь не удастся. Мы стояли около деревни Никишенской, между станціями Давыдовой и Петровой.

*) Дѣти духоборовъ мать называютъ папой.

Сестры, старикъ и я на общемъ совѣтѣ рѣшили такъ: сходить въ деревню Никишенскую, которая находилась на другомъ берегу Лены на разстояніи 1 версты отъ нашей стоянки, купить досокъ для гроба и достать инструменты какъ для приготовленія гроба, такъ и для рытья могилы. Рѣшили сначала приготовить гробъ, а потомъ завтра утромъ приняться за могилу, если сегодня не подплывутъ остальные паузки.

Съ однимъ рабочимъ и нѣсколькими сестрами мы переплыли на лодкѣ на другой берегъ Лены и пошли въ деревню. Тамъ въ одномъ дворѣ мы нашли все, что намъ нужно: купили досокъ и провіанту, достали инструменты и вернулись къ паузку. При этомъ надо отмѣтить, что простые люди отнеслись къ нашему горю очень сострадательно. Одинъ крестьянинъ очень дешево отпустилъ намъ досокъ и гвоздей для гроба, дешево продалъ хлѣбъ, яица и за прокатъ инструментовъ ничего не взялъ; другая женщина, которая принесла намъ нѣсколько каравасевъ хлѣба и яицъ, отказалась принять плату по рыночной цѣнѣ, а поставила дешевле. Даже рабочіе на паузкѣ, довольно грубіе и пьющіе люди, отнеслись къ нашему горю съ большимъ сочувствіемъ и къ вечеру того же дня смастерили небольшой дѣтскій гробъ, обитый снутри розовой матерей. Отстаивше паузки не пришли и мы рѣшили съ завтрашняго утра приняться за могилу.

Утромъ слѣдующаго дня (5 мая) могилка уже была готова. Мы съ сестрами и старикомъ въ два пріема перепрадились на другой берегъ Лены и перевезли гробъ. Сестры, не теряя времени, взялись за длинныя палки, на которыя подымали гробъ, и понесли его дальше...

Стояло чудное утро. Солнце свѣтило ярко, озаряя горныя вершины и дремучую тайгу. Лена, взвиваясь, катила свои быстрыя, темныя съ металлическимъ блескомъ волны сквозь горные дряжи, темные лѣса и зеленые холмы... Чудно хороша была Лена въ своемъ мрачномъ величіи. Весело щебетали птички и въ воздухѣ носился ароматъ хвойныхъ деревьевъ... А вотъ тамъ, у зеленаго холма, гдѣ въ горной щели струится каменистый ручеекъ, образуя у подножія холма шумный водопадъ, волнуется кучка женщинъ въ разноцвѣтныхъ платьяхъ... Вотъ она раздалась, зашевелилась и стали кабираться на горку... На солнцѣ блеснула гробовая крышка и медленно выплылъ маленькій гробикъ, покрытый бѣлымъ саваномъ... Раздалось дружное, сердца надрывающее пѣніе... Это пѣли духоборскія женщины свои похоронные псалмы. Звуки стонаютъ, дрожащей волной вылетали изъ груди, лились и расплывались, замирая гдѣ-то далеко въ горныхъ вершинахъ и въ темномъ бору, а прибрежныя скалы гулко вторили заключительнымъ тонамъ...

Поднявшись на горку, я увидѣлъ слѣдующее зрѣлище. Сестры, станъ въ кружокъ, пѣли различные псалмы, а посреди нихъ столъ на землѣ небольшой гробикъ, въ которомъ виднѣлось блѣдное личико умершаго мальчика съ бѣлымъ платочкомъ на шеѣ, подвязаннымъ краснымъ бантикомъ. Руки мальчика были сложены на груди приблизительно также, какъ и у нашихъ покойниковъ, и почему-то заключали въ себѣ другой чистенькій платокъ. Съ лѣвой стороны, между сосонами, стоя въ ямѣ по грудь, рабочій отказывалъ кайлой послѣдніе камни въ могилѣ. Почти вся почва состояла изъ каменей и рабочимъ очень трудно было отрыть могилу. Далѣе пошли такіе огромные плитняки, что невозможно было даже кайлой разламывать. Рѣшили прекратить работу и похоронить мальчика, опустивъ въ яму, сначала засыпали мелкой землей, пескомъ и галькой. Затѣмъ стали бросать на мелкіе камни... Быстро заполнили яму, поставили дощечку съ надписью и очень красиво обложили могилку большими округлыми камнями. Такимъ образомъ, предавъ землѣ нашего покойника, мы опять вернулись къ паузку. Сначала мы немного угостили рабочихъ водкой, такъ какъ знали, что здѣшніе рабочіе народъ пріисковой и безъ водки ничего не дѣлаютъ. Потомъ я роздалъ деньги гробокопщикамъ и работникамъ на могилѣ. Сперва они почему-то не хотѣли принять денегъ, говоря: „мы для мальчика можемъ и даромъ поработать“. Но потомъ взяли.

Врачъ Соколниковъ.

Въ минуты вдохновенья.

Когда въ минуты вдохновенья
Высоко мысль мой парритъ
И стройно льются пѣсновѣнья,—
Огонь въ душѣ моей горитъ.
Нарисуя древняго скрижали
Тогда мой музъ поднялъ,—
Я хорошо свои печали,
Пишу звѣ ночи на полдень.
Я, усталость въ отдаленіи
Прекрасной муры дорогой,
Я забываю всѣ волненья,
Что сердце мучали тоской.

Н. И. Сухановъ.

20 октября 1899 г.
Тобольскъ.

Жены и дѣти духоборовъ.

(Путевые замѣтки.)

(Продолженіе).

Впоследствіи на этомъ злополучномъ мѣстѣ, 15 мая утромъ мы причуялись дальше. Къ счастью, дальнѣйшее наше передвиженіе было довольно благополучнымъ. Большинство остановокъ нигдѣ не было. Правда, приходилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пускать въ ходъ всякія предосторожности, чтобы опять на мель не посадить нашей кушнгу. Такъ, напр., около станціи „Усть-Ишга", гдѣ есть опасныя отмѣли и русло рѣки сильно искривляется, приходилось спустить кушнгу на якорь, т. е. брали небольшой якорь съ канатомъ на лодку и, заводя его въ сторону, бросали въ воду и на канатѣ удерживали кушнгу въ должномъ направленіи. Такимъ образомъ проминовавъ опасное мѣсто, пароходъ оставилъ нашу кушнгу у берега и пошелъ вновь за дровами, гдѣ имѣется сказать дровъ для Громовскихъ пароходовъ.

Подъ этимъ временемъ, мы съ сестрами перешли на лодкѣ на другой берегъ Лены и пошли на ст. „Усть-Ишга", гдѣ разсчитывали купить хлѣбъ-какой-нибудь. Но здѣсь едва удалось найти немного хлѣба, картофеля, капусты и молока. Капуста и молоко оказались только у священника, при чемъ хозяйственная матушка попадья запросила съ насъ такую цѣну, что я невольно удивился, даже при той обычной дороговизнѣ, какая царитъ на этихъ мѣстахъ. Грѣшнымъ дѣломъ, я спичалъ хотѣлъ было воздѣйствовать на слабую струнку женской души и намекнуть на то, что можно имъ нужно для большихъ дѣтей. Но матушка оказалась болѣе черствой, чѣмъ я предполагалъ: она не скинула ни одной копѣйки.

Вернувшись со станціи, для развлеченія вышли на берегъ и поднялись на гору, откуда открывалъ чудный и грандіозные видъ лѣсистыхъ горъ и окружающей тайги. Весеннее солнце оживило волнистые увалы горъ, покрытые темной и мрачной тайгой; но тайга эта пышно зеленѣла и распускала густой ароматъ свѣжей хвои лиственницъ. Стояла теплая, ясная погода... Дышалось легко... Въ воздухѣ слышно было пѣніе птичекъ. Лена, на этомъ мѣстѣ довольно узенькая, казалась прижатой и струилась синей лентой гдѣ то въ глубокихъ своихъ долинахъ; но она, капризно извиваясь, отбрасывала тысячи блестковъ мѣдяного солнца. Было хорошо, и въ душѣ невольно пробуждалась любовь и приверженіе съ жизнью.

Вечеромъ того же дня случилось одно обстоятельство, которое взволновало все наше общество. Арестантская партія, которая вышла изъ Александровской тюрьмы 5 мая, обогнала насъ на этомъ мѣстѣ. Сверху стали подымаиться два пауки, волнующіяся народомъ, среди которыхъ черѣли люди въ кавказскихъ буркахъ. Какъ только это замѣтили, почти одновременно крикнули нѣсколько сестеръ:

— Ѵ! наши ѣдутъ... Сестры, вонъ наши братья ѣдутъ!..

Услыхавъ это, нѣкоторыя сестры повыскакали изъ трюма. Но вотъ перешлись съ нами... Вотъ уже приближаютъ... Люди въ буркахъ, повидимому, узнавъ своихъ «сестеръ», то и дѣло стали снимать свои шапки и раскланиваться.

— Какъ бы хорошо теперь подъѣхать къ нимъ на лодкѣ! Вслухъ помечтала какая-то сестра.

— Это можно сдѣлать. Сказалъ я и крикнулъ:

— Эй, ребята, снаряжайте скорѣе лодку! Вонъ ѣдутъ мужья нашихъ женщинъ!.. Надо повидаться съ ними.

Два молодца почти моментально очутились въ лодкѣ и стали подводить ее къ намъ.

— Стой, сами ѣдутъ!.. Кто то крикнулъ изъ толпы.

Дѣйствительно, съ арестантскаго пауска люди спустились на лодку и тотчасъ же заблистали веслами. За этой лодкой двинулась другая. Черезъ нѣсколько минутъ мужья и родственники нашихъ сестеръ были уже у насъ на палубѣ. Пріѣхало всего нѣсколько братьевъ, но радость отъ свиданія была не описуема. Прежде всего, какъ братья такъ и сестры поклонились другъ другу до земли и со слезами на глазахъ стали цѣловаться. Послѣ обряда цѣлованія начались разговоры и разспросы о состояніи здоровья и проч. Въ обыкновенное время духоборы дѣйствуютъ медленно, степенно и производятъ впечатлѣніе людей апатичныхъ, которые раздумываютъ каждый свой шагъ и каждое свое слово. Но тутъ у нихъ можно было замѣтить волненіе и торопливость не всѣмъ. Поговоривъ минутъ 15, братья уѣхали. Изъ содержанія разговоровъ видно было, что эти люди готовы переносить, молча, всякія всякитанія. Мужчины говорили, что имъ было и въ тюрьмѣ, и въ дорогѣ хорошо; а женщины говорили, что онѣ ѣдутъ хорошо, тогда какъ дѣти переносили всѣ лишенія и нарты всякитали дорогой жизнь неудобства. Передъ самымъ отъѣздомъ братьевъ, сестры повыскакали изъ со воды. Это произошло такъ. Нѣсколько сестры что то шепчутъ на ухо братьямъ и они, переговорившись между собой, подошли ко мнѣ одинъ за другимъ и стали пожимать руку, говоря:

— Благодаримъ васъ покорно за то, что не оставляете нашихъ сестеръ.

— Не за что меня благодарить... Я дѣлаю самое пустяки и дѣлаю по просьбѣ „Дѣдушки", по просьбѣ графа Л. Н. Толстого.—Говорилъ я въ отвѣтъ.

— Какъ!.. Мы все же какъ благодарны... Мы «дѣдушкѣ» тоже очень благодарны... Но вы много хлопочете объ нашихъ сестрахъ, все хорошо жилось съ ними.

— Мнѣ всегдашно сказа надо было ѣхать.

— Всетаки вы много потрудились,— настаивали «братья».

Послѣ этого братья уѣхали, а мы, за наступленіемъ ночи, остались на этомъ мѣстѣ до слѣдующаго утра.

Дѣйствіе наше передвиженіе не представляло никакихъ затрудненій. Потому мы можемъ сказать, что наступилъ конецъ нашимъ всякитаніямъ. Единственная серьезной непріятностью можно считать то, что у сестеръ, получившей ушибы и сколины въ области колѣнныхъ суставъ, послѣдовательно развилось гнойное воспаленіе подкожной клѣтчатки, которое принало рожистый характеръ. Тутъ вина лежитъ на самой больной. Она, какъ я говорилъ, снаша антисептическую всякитку, сначала накладывала на рану грязный пластырь, а потомъ скалывала ее очень подозрительнымъ костыемъ. Такимъ образомъ, она загрязняла рану и ей же пришлось всякитать послѣдствія своего невѣжества. Такъ какъ таинственныя всякитанія, которыя дѣлала сестра, повидимому, не помогли ей, и воспалительный процессъ продолжался, то мнѣ пришлось снова вмѣшаться въ дѣло. На этотъ разъ пришлось пустить въ ходъ все, что было подъ нашими руками и возможно для принѣненія. Воспалительный процессъ долго не унимался, а потомъ медленно стали уменьшаться.

Пробѣжавъ черезъ Киренскъ, мы встрѣтились съ докторомъ Фейтомъ, который знакомъ партіи изъ газетъ и живо интересовался ея помѣщеніемъ. Онъ дѣлалъ прекрасно конфектъ. Потомъ намъ извѣстно стало, что этотъ докторъ самъ ссыльный обитатель Восточной Сибири, поживши въ столицы въ ужѣдной городъ. Въ глухихъ дебрахъ Сибири кого и кого не встрѣтишь случайно...

(Окончаніе будетъ).

Жены и дѣти духоборовъ.

(Окончаніе).

Черезъ село Витинскъ мы проѣзжали еще до пожара и нисколько удивлялись его богатствамъ и внѣшнему блеску. Село это, благодаря близости богатыхъ золотыхъ пріисковъ Ленскаго Т-ва и Сибирякской К°, сильно разбогатѣло и служитъ уѣздной станціей пароходнаго сообщенія по Ленѣ и Витиму. Въ этомъ селѣ есть телеграфъ, почтовая контора, церковь, прекрасные магазины и пароходная пристань. Во время сильнаго прилива рабочаго люда, ѣдущаго на пріиска и обратно, населеніе Витинска доходитъ до 15 тысячъ человѣкъ. Тутъ, благодаря обилію ссыльнаго элемента и всякаго рода прогорѣвшихъ пріисковыхъ рабочихъ, пьянство, картежная игра, хрипки, грабежи и убійства—нерѣдкость. Потому Витинскъ давно извѣстенъ, какъ гнѣздо пьянства, разврата и всякихъ преступленій. Но и тутъ нашлись добрые люди для жены и дѣтей духоборовъ. Особенно мы благодарны доктору Закоенку и предсѣдателю Коршунскаго К°—г. Куренко. Первый снабдилъ насъ безплатными лѣкарствами, а второй отдалъ 15 руб. деньгами (собранныхъ у какихъ то добрыхъ людей) и много разнообразной провизіи (картофеля, муки, луку, молока, творогу, масла, сахара, меду и даже лимоновъ). Все это было нужно и весьма кстати, такъ какъ у насъ тогда средства были на исходѣ и здѣсь все стоитъ очень дорого.

Далѣе, не дорогѣ мы еще заѣзжали въ г. Олекминскъ, гдѣ партію гостепріимно встрѣтили мѣстные спонды, составленные то же за сектантство. Они устроили сестрамъ нѣчто въ родѣ продольнаго обѣда, угостили чаемъ и прослушали ихъ религіозные гимны. На прощаніе они снабдили еще провизіей. Врата-духобора Конкина, о которомъ наша партія отзывается весьма восторженно, не удалось видѣть, такъ какъ онъ живетъ не въ самомъ г. Олекминскѣ, а гдѣ то въ сторонѣ за 30 верстъ. Изъ г. Олекминска мнѣ пришлось отправить въ Верхоленское окружное полицейское управленіе свидѣтельство о заявленіе о смерти мальчика Ѳедора Дѣвовскаго, умершаго 4 мая около д. Никшинской, такъ какъ въ торопяхъ упустилъ ихъ ввду заявить мѣстнымъ властямъ о смерти этого мальчика. Передъ самымъ отъѣздомъ въ Витинска я услышалъ, что будто бы могилу нашего мальчика хотятъ разрыть, такъ какъ о смерти его нами не было заявлено мѣстнымъ властямъ. Эту непріятность я скрылъ отъ сестеръ.

Наконецъ, 1 іюня 1899 года, около 12 часовъ дня, мы прибыли въ г. Якутскъ, гдѣ партію встрѣтили мужья и братья по вѣрѣ. Радость встрѣчи, къ моему удивленію, не отличалась особенной восторженностью. Напротивъ, чувствовалась какая то скрытая тоска. Мужья и братья, при видѣ „сестеръ", какъ будто вспоминали свою чудную родину въ Закавказскомъ краѣ, и вздрогнулось имъ, а женщины, уступая въ чужую землю, вновь почувствовали, что теперь все кончено и разъ навсегда они отторваны отъ всего, что мило, дорого и знакомо. Къ тому же, новая родина встрѣтила ихъ съ накупоренными чемоданами 31 мая, когда приближались къ Якутску, пошелъ снѣгъ. Тогда бѣдныя женщины нельзя воскликнули: У—у!.. Какая страсть!.. Въ это время снѣгъ!.. А старикъ Николай Чевальдинъ все время сидѣлъ на носу лодки въ зимней одеждѣ. На немъ была огромная баранья шуба желтаго цвѣта и шапка у него была столь же внушительныхъ размѣровъ. Онъ, кутаясь въ своей шубѣ, протолкнулъ „сестеръ" дорогу возлѣ, жестко!... Далѣе, какъ бы сами съ собою размышляя, тихо, раскаливъ о своей старой душѣ: «какъ хлѣбушку спечь, дотянуть, такъ армяно, грехи подвезутъ возлѣ порога хрупки и всякіе хрухты... Хочешь, бери, хочешь—нѣтъ... Сколько тобѣ нужно, то и поберешь». При такихъ контрастахъ на старой и новой родинѣ, бѣдныхъ духоборахъ, конечно, кручинуялось, и это вполнѣ понятно. Пріѣздъ «сестеръ», какъ они онѣ ни были радостенъ для «братьевъ», не могъ не разбередить старой душевной раны: онъ ихъ напомнилъ все, что дорого, мило и принято имъ съ малыхъ лѣтъ, но увы! потеряно навсегда...

Врутинъ сестеръ мужьямъ и братьямъ я уѣхалъ въ городъ. Сестры въ этотъ день еще оставались на кунаѣ. На слѣдующій день (2 іюня), по распоряженію начальника области В. Н. Скрипицына, сестрамъ былъ уступленъ пустующій губернаторскій домъ, такъ какъ самъ губернаторъ съ семействомъ жилъ на дачѣ. Бѣдныя женщины не помнили горошенько, какой высокой чести онѣ удостоились, посѣдившись въ домѣ самаго губернатора, а указывали, главнымъ образомъ, на то, что г. губернаторъ ихъ вожделѣлъ много всякой провизіи: 72 ведра чаю, 20 пудовъ крупчатки и 2 голоны сахару. Затѣмъ задѣлдала къ нимъ супруга исправника М. Кондакова и привезла много калачей. Такимъ образомъ, сама высшая администрація г. Якутска встрѣтила жены и дѣтей духоборовъ очень любезно и гуманно.

12 іюня большая часть партіи, въ сопровожденіи мѣстныхъ братьевъ, отправилась на баржѣ народа «Громовъ» на Алданъ, гдѣ въ 6-ти верстахъ отъ впаденія рѣки Нотары въ Алданъ образована духоборческая колонія въ 90 чел. На пароходѣ «Громовъ» на этотъ разъ были Якутскій губернаторъ и медицинскій инспекторъ. Губернаторъ и медицинскій инспекторъ заѣзжали въ духоборческую колонію и снабдили ее необходимыми лѣкарствами изъ аптеки громовскаго парохода. Вернувшись изъ Батурурскаго улуса 14 іюня, и уже не засталъ партіи въ Якутскѣ и потому не могъ сопровождать ее до Усть-Ноторы, какъ мнѣ предлагалъ г. губернаторъ. Этимъ и заканчиваю свои затянувшіяся по времени замѣтки о женахъ и дѣтахъ духоборовъ. Однако, съ позволеніи читателей, я сдѣлаю маленькую характеристику этихъ людей въ видѣ заключенія.

Духоборы въ наше время представляютъ изъ себя довольно странное явленіе. Это—простые сельскіе крестьяне съ женами и дѣтьми, проникнутые общей религіозной идеей аистско-моралистическаго и раціоналистическаго характера. Они, какъ въ личной, такъ и въ общинной жизни очень скромны, честны и высоконравственны. Они не только не обидятъ другихъ людей (братьевъ), но не запинаются, когда ихъ обижаютъ, т. е. не противятся злу насилѣемъ, какъ бы придерживаясь недавняго ученія графа Л. Н. Толстого. Надо замѣтить, что духоборчество возникло раньше ученія знаменитаго писателя. Затѣмъ, какъ бы въ подтвержденіе большаго сходства духоборчества возрѣній съ толстовскими, духоборы отрицаютъ обряды, церковь и соблюдаютъ вегетаріанство (духоборы постники, даже рыбы не ѣдятъ). Далѣе, табаку не курятъ и вина не пьютъ. Бракъ у нихъ свободный (гражданскій), но, благодаря чрезвычайной протости, терпѣніе и взаимному снисхожденію супруговъ, онъ до сего остается нерасторжимымъ. Къ ученію и грамотности духоборы не относятся отрицательно, но тѣмъ не менѣе на наши школы смотрятъ недоброжелательно, думая, что онѣ могутъ дать дѣтямъ ложное религіозно-нравственное воспитаніе. Законѣ—не убій они, повидимому, понимаютъ въ очень строгомъ и буквальномъ смыслѣ, и потому рукъ въ руки не берутъ и отъ всякаго рода воинскихъ упражненій отказываются. Трудъ возводится въ принципъ жизни и община ихъ, съ экономической точки зрѣнія, носитъ коммунистическій характеръ, ибо всѣ люди братья. Потому у нихъ частная собственность въ принципѣ отрицается. На ссылку и переселеніе духоборовъ они смотрятъ какъ на страдальческій крестъ, который ведетъ къ спасенію. Поэтому они ссылку, тюрьму, выселеніе и дорожныя мытарства переносятъ съ радостью и заставляютъ ихъ роптать на судьбу положительно невозможно. Бѣдственное положеніе, страданія, смерть и всякія напасти жизни только подымаютъ нравственный духъ сектъ и члены ея сближаются тогда все плотнѣе и плотнѣе. Находясь въ такомъ мистически-страдальческомъ настроеніи, они, повидимому, даже желаютъ мученическаго вѣнца. Отсюда безусловная, абсолютная любовь духоборовъ другъ къ другу. Отсюда миръ и блаженное настроеніе членовъ общины. Они рвутся передъ смертью собраться и, какъ послѣ исповѣди, полны любви и всепрощенія. Религіозный духъ въ общинѣ на столько великъ, что даже дѣти заражаются настроеніемъ старшихъ, не ссорятся между собою. Въ теченіе 3 мѣсяцевъ, я между женщинами не слышалъ не только ссоры, но и одного спора (а женскій темпераментъ, какъ извѣстно, довольно пылкій); между дѣтьми за это время ни одной драки не было, а только раза два мальчикъ отнялъ у дѣвочки палку. Дѣти играютъ очень мало и рѣдко.... Они серьезны почти такъ же, какъ дѣти больныя или дѣти нищихъ. Разъ я на берегу наривалъ цвѣтовъ и пересѣкъ дѣтвору. Одна изъ женщинъ начала дѣлить ихъ, какъ ѣхлать можно дѣтьмъ закоснѣла, говоря: „нѣтъ это Малашка, это Васькѣ и т. д.". Дѣти стоятъ чинно и получаютъ только то, что имъ даютъ. Дѣти между собой никогда не ругаются, а колятся, приклѣтаются и нѣмо сидящаго гимнемъ пишутъ всѣ (отъ 3 до 8 лѣтъ). Я только разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ 4 лѣтняя Малаша не то, чтобы ругалась, а балагурила: „ти сама кошка"— ты сама кошка!" Словомъ, я сохраню самыя лучшія воспоминанія объ этихъ тихихъ, честныхъ и добродѣтельныхъ людяхъ, и ихъ маленькія и несчастныя дѣти, невольно раздѣляющія участь своихъ родителей, заслуживаютъ полнаго состраданія, любви и добра, какъ образецъ невинной ангельской чистоты, сказанной съ хрупкостью и беспомощностью дѣтскаго возраста.... Прощайте милыя дѣти, прощай и ты, Ѳедя Дьяковскій, что лежишь прахомъ на каменистомъ берегу Лены, среди зеленой хвои, у говорливаго ручейка....

Врачъ *П. Соколовниковъ.*